

*Сыновьям Волка,
искавшим свое наследство и сложившим свои кости
среди теней полярного круга*

БЕЛОЕ БЕЗМОЛВИЕ

— Кармен и двух дней не протянет.

Выплюнув кусок льда, Мэйсон с сожалением оглядел несчастное животное, а затем сунул себе в рот его лапу и снова принялся выгрызать лед, накрепко застывший между собачьих пальцев.

— Собаки с такими звучными именами обычно гроша ломаного не стоят, — заявил он, закончив работу и оттолкнув животное прочь. — Они от такой ответственности чахнут и подыхают. Вы когда-нибудь видели, чтобы что-нибудь приключилось с собакой, у которой нормальная кличка — Касьяр, например, или Сиваш, или Хаски? Никогда! Вы посмотрите на Шукума: он...

Щелк! Тощий зверь промелькнул как стрела, и белые зубы едва не сомкнулись на горле Мэйсона.

— Ах вот ты как?

Рукоятка кнута ловко стегнула пса по уху, и тот, мелко дрожа, растянулся в снегу, пуская с клыков желтые слюни.

— Так вот, я говорю: посмотрите на Шукума — этот не пропадет. Держу пари, он сожрет Кармен — не пройдет и недели.

— А я тебе на это вот что скажу, — откликнулся Мэйлмют Кид, переворачивая хлеб, который он размораживал у огня. — Мы сами съедим Шукума еще прежде, чем доберемся до места. Как думаешь, Руфь?

Опустив в посудину кусочек льда, чтобы кофе осел, индианка взглянула на Мэйлмюта Кида, потом

на мужа, потом на собак, но до ответа не снизошла. Он был настолько очевиден, что не стоило тратить слов. Впереди лежало еще двести миль снежной целины, а еды оставалось в лучшем случае на шесть дней — это для людей, а для собак не было вовсе. О чем же тут спорить? Присев у костра, двое мужчин и женщина принялись за скудную трапезу. Лежа в упряжках (не было смысла их распрягать на время короткого дневного привала), собаки завистливо провожали взглядами каждый кусок.

— Обедать больше не будем, — объявил Мэйлмют Кид. — И за собаками — глаз да глаз. Они начинают злиться. Загрызут при первой возможности.

— А ведь я был когда-то главой методистской общины¹ и преподавал в воскресной школе, — ни с того ни с сего сообщил Мэйсон и погрузился в задумчивое созерцание своих мокасин, от которых шел пар. Из этого состояния его вывела Руфь, протянув ему горячую кружку. — Слава богу, что хоть чая у нас вволю. Я видел, как он растет в Теннесси. Все на свете бы отдал сейчас за горячую кукурузную лепешку! Ничего, Руфь: голодать тебе осталось недолго, да и в мокалинах ходить тоже.

---

¹ *Методизм* — возникшее в Англии в 1730-е гг. в рамках англиканской церкви и позднее (1795) отделившееся от нее (и противопоставившее себя ей) протестантское религиозное движение, основателями и идеологами которого были оксфордские проповедники Джон Уэсли и Джордж Уайтфилд. Название продиктовано подчеркнутым стремлением членов движения методично и неуклонно следовать предписаниям христианской веры, что определяет соответствующий круг добродетелей: строгое соблюдение внешнего благочестия, регламентация частной жизни, проповедь религиозного смирения, терпения, умеренности. В Америке методизм получил организационное оформление в 1784 г. и ко времени действия рассказа существовал в виде нескольких независимых друг от друга церквей, насчитывавших около 4 млн прихожан. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. отв. ред.*

При этих словах ее хмурое лицо просияло, а глаза наполнились безграничной любовью к белому господину — первому белому человеку, которого ей довелось встретить, и первому мужчине, который обращался с женщиной лучше, чем с вьючным животным.

— Да-да, Руфь, — продолжал ее муж на том особом смешанном наречии, на котором они только и понимали друг друга, — вот закончим дела — и отправимся на Большую землю. Сядем в каноэ Белого Человека и поплывем по Соленой Воде¹. Да-да, по воде, которую нельзя пить, по бурной воде, — по ней так и пляшут огромные горы — вверх-вниз. Мы поплывем далеко-далеко, пройдет десять снов, двадцать снов, сорок снов, — для наглядности он отсчитывал сутки на пальцах, — и все время вода, плохая вода. А за ней — огромная деревня, полная людей, как комаров летом. И высокие-высокие вигвамы — как десять — нет, двадцать сосен. *Хай-ю скукум!*

Тут он запнулся и беспомощно взглянул на Мэйлмюта Кида, а затем жестами изобразил, как ставит двадцать сосен одну на другую. Мэйлмют Кид скептически улыбнулся, но глаза Руфи были полны удивления и блаженства: она верила и не верила, думала, что муж, наверное, шутит, и эта милость пролила бальзам на сердце бедняжки.

— А потом ты заходишь... в ящик, и вдруг — пуф! — летишь вверх. — Для наглядности Мэйсон подобрал пустую кружку и, ловко поймав ее, воскликнул: — А потом — бух! — и вниз. О, там живут великие колдуны! Ты едешь в Форт-Юкон², я еду в Арктик-Сити — двадцать пять снов — большая веревка, всю дорогу —

---

¹ *Большая земля* — территория, где проживает основное население материка; *Соленая Вода* — море или океан.

² *Форт-Юкон* — город на Аляске, у места слияния рек *Юкон* и *Поркьюпайн*; основан 25 июня 1847 г. Александром Хантером Мерре-ем и до 1959 г. являлся торговым постом *Компании Гудзонова залива*.

я поймал веревку — я говорю: «Привет, Руфь! Как дела?» — а ты говоришь: «Это мой добрый муж?» — а я говорю: «Да», — а ты говоришь: «Нельзя спечь хороший хлеб, соды нет», — а я: «Посмотри в кладовке под мукой, до встречи». Ты смотришь — а там полно соды. И ты все время в Форт-Юконе, а я в Арктик-Сити. Хай-ю колдун!

Руфь так простодушно улыбалась, слушая эту сказку, что оба мужчины не выдержали и расхохотались. Собачья драка положила конец рассказам о чудесах Большой земли, а когда рычащих соперников удалось разнять, Руфь уже увязала нарты и можно было трогаться в путь.

— Вперед! Пошел, Плешивый! Ну, пошел! — Мэйсон ловко орудовал кнутом и, когда собаки взвыли, натягивая постромки, двинул нарты вперед, оттолкнувшись шестом. Со второй упряжкой отправилась Руфь, а Мэйлмют Кид, который помог ей оттолкнуться, остался замыкающим. Силач, способный повалить быка одним ударом, он не мог бить несчастных собак и жалел их — вопреки местным обычаям. Да что там, он был готов визжать вместе с ними от сострадания.

— Ну давайте, вперед, колченогие! — проворчал он после нескольких безуспешных попыток тронуться с места.

В конце концов его терпение было вознаграждено, и, поскуливая от боли, собаки поспешили вослед своим собратьям.

Разговоры закончились: дорога — тяжелый труд, и впустую расходовать силы — роскошь непозволительная. Из всех видов каторжного труда путешествие по Северной тропе — самый тяжкий. Блажен тот, кому удастся ценой молчания выдержать день, даже на проторенной тропе.

И уж точно нет труда тяжелее, чем прокладывать тропу. Ноги в огромных плетеных лыжах на каждом

шагу проваливаются в сугробы по колено. Затем ногу нужно поднимать — строго вверх: малейшее отклонение, даже на дюйм, может привести к катастрофе, — до тех пор, пока лыжа не высвободится из снега полностью, и тогда — вперед и снова вниз, затем на пол-ярда перпендикулярно поверхности поднимают вторую ногу. Тот, кто делает такое впервые, даже чудом умудрившись не поставить ноги слишком близко друг к другу и не растянуться во весь рост на зыбкой тверди, рухнет в изнеможении, не преодолев и сотни ярдов. Тот, кому удастся ни разу за день не попасть под собачью упряжку, может с чистой совестью заползти в спальный мешок, преисполнившись гордости сверх всякой меры. А уж тому, кто выдержит на Великой Северной тропе двадцать ночевок, могут завидовать боги.

День все тянулся. Со священным трепетом, который порождало в них Белое Безмолвие, странники молчали, продолжая свой тяжкий труд. У природы есть много уловок, чтобы убедить человека в его бренности: она потрясает его воображение беспрестанной сменой морских приливов и отливов, яростью бурь, мощными подземными толчками, долгими раскатами небесной артиллерии, — но сильнее всего ошеломляет и ужасает это бесстрастное и безграничное Белое Безмолвие. Все замерло, небо расчистилось и отливает медью; малейший, даже самый тихий шепот кажется кощунством, и человек невольно робеет, пугаясь звуков собственного голоса. Одинокая искра жизни, летящая через мертвую призрачную пустыню, он содрогается от собственной дерзости, сознавая, что здесь он — лишь жалкий червь, и не более. Станные, неожиданные мысли приходят в голову, а тайна всего сущего так и просится на уста — чтобы наконец облечься в слова. И на человека накатывает страх — перед смертью, перед Создателем, перед Вселенной, надежда

на Воскресение и на Жизнь, и жажда бессмертия, тщетное стремление немощной твари, — и только тогда он, возможно, оказывается один на один с Богом.

День подходил к концу. Река описала огромный изгиб, и Мэйсон направил свою упряжку напрямик, через узкий перешеек. Но собаки всё никак не могли взобраться по крутому склону на берег. Они снова и снова сползали вниз, хотя Руфь и Мэйлмют Кид налегали на нарты, подталкивая их вверх. Наконец они предприняли решающую попытку. Несчастные создания, ослабевшие от голода, вложили в нее все последние силы. Вверх — еще выше — вот нарты уже почти на крутом берегу: но вдруг вожак забрал вправо, потянув за собой остальных, впряженных следом за ним, и зацепил упряжью лыжи Мэйсона. Результат оказался плачевным. Мэйсона сбили с ног; одна из собак тоже упала, нарты опрокинулись и снова скатились вниз вместе с поклажей.

Вжик! Кнут обрушился на собак — особенно яростно на ту, что упала.

— Мэйсон, не надо! — взмолился Мэйлмют Кид. — Бедняга и так на последнем издыхании. Погоди, я своих припрягу.

Мэйсон остановился, молча дождался, пока товарищ произнесет последнее слово, — и вновь взметнул длинный кнут, который буквально обвился вокруг провинившегося животного. Кармен — а это была она — вжалась в снег, жалобно взвизгнула и повалилась набок.

Наступил трагический момент, один из самых печальных, какие бывают в дороге: умирающая собака, разгневанные попутчики. Руфь встревоженно переводила взгляд с одного на другого. Но Мэйлмют Кид сдержался, хотя взгляд его был полон укоризны, и, склонившись над собакой, обрезал постромки. Никто не проронил ни слова. Упряжки спарили, крутой склон

преодолели; нарты вновь двинулись в путь, умирающее животное плелось следом. Кармен не пристрелят, пока она сможет передвигаться. Для нее это последняя возможность выжить: если она доберется до лагерья и если люди добудут лося.

Мэйсон уже сожалел о том, как повел себя в приступе гнева, но был слишком упрям, чтобы извиниться; он шел впереди, с трудом пролагая путь, и не подозревал, что над ним нависла угроза. Они пробирались через укрытую от ветра низину, поросшую лесом. Футах в пятидесяти от тропы высилась величавая сосна. Она пережила уже не одно поколение людей, и все это время судьба готовила ей такой вот конец, — как, возможно, и Мэйсону.

Он наклонился, чтобы затянуть распутившуюся завязку у мокалина. Нарты остановились, и собаки без единого звука улеглись в снег. Заиндевший лес был пугающе неподвижен, ни единое дуновение не нарушало потустороннюю тишину; холод и безмолвие леденили душу и обжигали дрожащие губы природы. Вдруг воздух содрогнулся от тихого вздоха: казалось, они его не услышали, а скорее почувствовали, — как предвестие нарождающегося движения в неподвижной пустоте. И вот огромное дерево, под гнетом лет и снегов, доиграло свою роль в трагедии жизни. Услышав предостерегающий треск, Мэйсон попытался вскочить на ноги, и ему это почти удалось, как вдруг чудовищный удар обрушился ему на плечо.

Нежданная угроза, внезапная смерть — Мэйлмют Кид давно был с ними на «ты». Сосновые иглы еще трепетали, когда он отдал необходимые команды и взялся за дело. А юная индианка не упала в обморок и не стала сотрясать воздух праздными стенаниями, как, скорее всего, поступили бы ее бледнолицые сестры. По приказу Мэйлмюта Кида она навалилась всем весом на конец толстой палки — импровизированного

рычага — и облегчила таким образом тяжесть ствола, прислушиваясь к стонам мужа; сам же Кид тем временем орудовал топором. Сталь весело звенела, впиваясь в насквозь промерзший ствол; за каждым ударом слышался громкий, натужный выдох лесоруба: «Ух! Ух!» Наконец Кид добрался до того, что некогда было человеком. Но гораздо больнее, чем муки товарища, было видеть беззвучное страдание несчастной женщины, это вопросительное выражение у нее на лице, полное одновременно надежды и отчаяния. Говорили мало: на Севере быстро познаёшь тщетность слов и несравненную ценность дел. Лежа в снегу при температуре минус шестьдесят пять градусов по Фаренгейту¹, человек долго не проживет. Кид и Руфь обрезали постромки и уложили беднягу Мэйсона, укутанного в меха, на ложе из веток. Перед ним разожгли жаркий костер, нарубив дров из того самого дерева, которое послужило причиной несчастья. С другой стороны и отчасти сверху соорудили что-то вроде палатки: натянули кусок полотна, которое улавливало тепло и отражало его на больного, — прием, хорошо известный тем, кто учится физике у самой природы.

А те, кому случалось делить ложе со смертью, узнают ее зов. Мэйсон был искалечен страшно. Это было видно даже при беглом осмотре. Правая рука, нога и позвоночник были сломаны; обе ноги полностью парализованы; скорее всего, были и внутренние повреждения. Кроме редких стонов, других признаков жизни он не подавал.

Положение безнадежное: сделать ничего невозможно. Безжалостная ночь тянулась медленно. Руфь держалась стойко, пряча отчаяние, как свойственно ее народу; на бронзовом лице Мэйлмюта Кида пролегли несколько новых складок. Вообще говоря, Мэйсон

---

¹ 53 °C ниже нуля.

мучился меньше всех: он пребывал в Восточном Теннесси, у подножия хребта Большие Дымчатые горы¹, где прошло его детство. И до чего же трогательно звучали давно забытые им интонации родного южного наречия, когда он бредил об омутах, и об охоте на енотов, и о ворованных арбузах. Руфь понимала не больше, чем если бы он говорил по-китайски, зато Кид понимал все прекрасно — понимал и чувствовал так, как может чувствовать только тот, кто на долгие годы оказался оторван от всех благ цивилизации.

Наутро искалеченный Мэйсон пришел в сознание, и Мэйлмют Кид склонился поближе, чтобы разобрать его шепот.

— Помнишь, как мы встретились на Танане?² В ледоход четыре года будет. Тогда она для меня мало что значила. Хорошенькая... просто нравилась, наверное. Но теперь... все мои мысли — о ней, понимаешь? Она была мне хорошей женой, всегда рядом. Ну а в нашем деле ей равных нет, сам знаешь. Помнишь, как она преодолела пороги Лосиные Рога, чтобы забрать нас с той скалы, когда пули градом лупили по воде? А голод в Нуклукайто помнишь? А как она перебралась через реку в ледоход, чтобы передать нам вести? Да, она была мне прекрасной женой — куда лучшей, чем та, другая. А ты разве не знал? Я не рассказывал? В общем, я был женат когда-то — там, в Штатах. Потому и оказался здесь. Мы с ней выросли вместе. Я уехал, чтобы ей проще было получить развод. Она его получила.

Но я не о ней — о Руфи. Думал закончить здесь все дела и отправиться в будущем году в Большую землю — вместе с ней. Слишком поздно. Кид, ты только

---

¹ *Большие Дымчатые горы* — хребет, принадлежащий горной системе Аппалачи, по которому проходит граница американских штатов Северная Каролина и Теннесси.

² *Танана* — река на Аляске, левый приток Юкона.

не отсылай ее обратно, к племени. Для женщины это страшно тяжело — возвращаться. Подумай только: почти четыре года она ела копченую свинину, бобы, хлеб, сушеные фрукты, а там — опять рыба да карибу!¹ Познать наш образ жизни, понять, что нам живется лучше, чем ее народу, и вернуться — нет, это никуда не годится. Позаботься о ней, Кид... а может, ты?.. Хотя нет, ты всегда избегал их и никогда не рассказывал, как тебя занесло в эти края. Будь с ней помягче. Отправь ее поскорее в Штаты. Только устрой так, чтобы она могла возвратиться, если вдруг затоскует. Всякое бывает.

Ты знаешь, ребенок очень нас сблизил. Надеюсь, это парень. Представляешь, Кид: плоть от плоти моей!² Ему нельзя оставаться в этих краях. Ты продай мои меха, они потянут тысяч на пять, не меньше, и еще столько же за компанией. А если девочка... нет, не может быть... Я хочу, чтобы ты вел мои дела заодно со своими. Тот участок... думаю, там будет чем пожить. Проследи, чтобы он получил хорошее образование. Но главное, Кид, не позволяй ему сюда возвращаться. Эта земля — не для белых. А я... я, Кид, человек пропащий. Три-четыре ночевки переживу — в лучшем случае. Вам надо двигаться дальше. Вы должны! И помни: это моя жена и мой сын, — Господи, вот бы это был сын! Вы не должны задерживаться из-за меня. Послушайся умирающего: не задерживайтесь, езжайте.

— Дай мне три дня, — взмолился Мэйлмют Кид. — Может, тебе станет лучше. Может, нам повезет.

— Нет.

— Всего три дня.

— Вам нужно ехать.

— Два дня.

---

¹ *Карibu* — здесь: оленина.

² Быт. 2: 23.

- Кид, это мои жена и сын. Даже не думай.
- Один день.
- Нет, нет! Заклинаю...
- Всего день. Мы попробуем добыть лося.
- Нет... ну ладно: один день, и ни минутой больше.

Да, Кид: и не бросай меня тут одного. Один выстрел, просто спусти курок. Ну, понимаешь. Ты только представь себе! Только представь! Плоть от плоти моей, и я никогда его не увижу!.. Пришли сюда Руфь. Я хочу попрощаться. Скажу, чтобы думала о сыне и не ждала, пока я умру. Если я не скажу, она, чего доброго, не уйдет. Ну, прощай же, старик, прощай. Кид! И еще: попробуй копнуть повыше, у самого склона. Я там центов по сорок намывал. Погоди, Кид!

Тот склонился пониже, чтобы разобрать последние, совсем уже тихо произнесенные слова. Отринув гордыню, умирающий произнес:

- Ты прости за... ну, за Кармен.

Предоставив молодой женщине тихо оплакивать мужа, Мэйлмют Кид накинул парку¹, надел лыжи, сунул под мышку ружье и отправился в лес. Не новичок в северных землях, он пережил здесь много суровых испытаний, но все они не шли ни в какое сравнение с этим. Если отвлечься от чувств и мыслить математически, речь шла о простом уравнении: три жизни против одной, к тому же обреченной. Но как решиться? Ведь узы товарищества, связавшие Кида и Мэйсона, сплетались и крепили пять лет, пройденных плечом к плечу, по рекам и тропам, через стоянки и прииски, перед лицом смерти, в лесных дебрях и бурных водах. Так прочна была эта связь, что Кид порой ловил себя на ревности к Руфи — с той самой минуты, когда индианка впервые встала между ними. И что же теперь? Он должен собственноручно обрубить эту связь.

---

¹ Парка — верхняя зимняя одежда из шкур мехом наружу.

Он молился о том, чтобы в лесу ему встретился лось — всего один лось, но казалось, вся живность покинула эти места, и к ночи изможденный охотник с трудом добрал до лагеря — с пустыми руками и тяжелым сердцем. Услышав громкий лай собак и пронзительные крики Руфи, он ринулся вперед со всей скоростью, на какую был еще способен.

Добежав до лагеря, он увидел, что рычащая собачья стая окружила женщину, а та отбивается, размахивая топором. Нарушив железное правило своих хозяев, собаки растаскивали остатки провианта. Орудую прикладом ружья, Кид присоединился к Руфи, и извечный закон естественного отбора в очередной раз доказал свою непреложность — со всей первобытной жестокостью. Ружье и топор однообразными движениями взлетали и опускались, то попадая в цель, то промахиваясь; собаки с горящими от бешенства глазами и оскаленными пастьями, бросаясь на людей, корчились под ударами; зверь и человек сражались за власть, и плачевный исход их борьбы не заставил себя ждать. Побежденные животные отползли к самому краю светового круга, образованного отблесками костра, и принялись зализывать раны, громко жалуясь звездам на свою неудачу.

Все запасы вяленого лосося оказались уничтожены, а муки осталось в лучшем случае фунтов пять — и это на двести с лишним миль пути по безлюдной пустыне. Руфь возвратилась к мужу, а Мэйлмют Кид разделал еще теплую тушу одной из собак, чей череп был проломлен топором. Все части туши он припрятал, кроме шкуры и ребухи, — их он швырнул тем, кто еще минутой назад бился вместе с погибшим зверем.

Утро принесло с собой новые неприятности. Собаки дрались между собой. Стая загрызла Кармен, которая до того времени еще продолжала цепляться за жизнь.

Напрасно кнут ходил по их спинам. Собаки скулили и виляли хвостом под ударами, но оставить добычу отказывались до тех пор, пока на снегу ничего не осталось — ни костей, ни шкуры, ни шерсти.

Мэйлмут Кид принялся за дело, вслушиваясь в бред Мэйсона, который вернулся в свой Теннесси и теперь обращался к бывшим приятелям с бессвязными речами и нелепыми призывами.

Руфь наблюдала, как Кид, используя ближайšie сосенки, ловко сооружает схрон, какие охотники используют иногда, чтобы до мяса не добрались росомахи и псы. Он пригнул верхушку сначала одной небольшой сосны, потом другой почти к самой земле и связал их ремнями из лосиной кожи. Затем кнутом заставил собак подчиниться, запряг их в двое нарт, куда сложил весь скарб, кроме шкур, в которые был укутан Мэйсон. Этими шкурами он плотно обернул товарища и крепко обмотал сверху веревками, а получившийся кокон с обоих концов привязал к согнутым соснам. Теперь достаточно одного удара охотничьего ножа — и тело взмлет высоко в воздух.

Получив от мужа последние наставления, Руфь не перечила его воле. Жизнь научила бедняжку беспрекословному повиновению. С детства она склонялась — и видела, как все женщины склоняются — перед волей мужчины, венца творения, и ей казалось, что для женщины противоестественно прекословить этой воле. Мэйлмут Кид позволил Руфи лишь одно проявление горя — поцеловать мужа (ее народ не знал такого обычая), а затем проводил ее до передних нарт и помог надеть лыжи. Вслепую, бессознательно она взяла в руки шест и кнут, прикрикнула на собак и двинулась в путь. А Кид возвратился к Мэйсону, лежавшему в беспмятстве, и долго еще после того, как Руфь скрылась из виду, сидел скорчившись у костра: ждал, надеялся, молился, чтобы товарищ умер.

Несладко остаться наедине с тяжелыми мыслями посреди Белого Безмолвия. Безмолвие сумрака мило-сердно: обволакивая человека, оно словно берет его под защиту, и кажется, будто все кругом дышит сочувствием; но Белое Безмолвие, залитое ярким светом, ясное и холодное под стальными небесами, совершенно безжалостно.

Прошел час, потом два часа, а несчастный все не умирал. В полдень солнце не показалось над южным горизонтом, оно лишь бросило на небеса огненный блик, который почти сразу исчез. Мэйлмют Кид поднялся на ноги и подошел к товарищу. Огляделся по сторонам. Белое Безмолвие, казалось, глумливо усмехалось, и Кида охватил ужас. Грянул выстрел; Мэйсон взмыл в свою воздушную могилу, а Мэйлмют Кид принялся настегивать собак, и они бешено рванулись вперед через снежную пустыню.

СЫН ВОЛКА

Мужчина редко понимает, как много значит для него близкая женщина, — во всяком случае, он не ценит ее по-настоящему, пока не лишится семьи. Он не замечает тончайшего, неуловимого тепла, создаваемого присутствием женщины в доме; но едва оно исчезнет, в жизни его образуется пустота, и он смутно тоскует о чем-то, сам не зная, чего же ему недостает. Если его товарищи не более умудрены опытом, чем он сам, они с сомнением покачают головами и начнут пичкать его сильно действующими лекарствами. Но голод не отпускает — напротив, мучит все сильнее; человек теряет вкус к обычному, повседневному существованию, становится мрачен и угрюм; и вот в один прекрасный день, когда сосущая пустота внутри становится нестерпимой, его наконец осеняет.

Когда такое случается с человеком на Юконе¹, он обычно снаряжает лодку, если дело происходит летом, а зимою запрягает своих собак — и устремляется на Юг. Несколько месяцев спустя, если он одержим Севером, он возвращается сюда вместе с женою, которой придется разделить с ним любовь к этому холодному краю, а заодно все труды и тяготы. Вот лишнее доказательство чисто мужского эгоизма! И тут поне-

---

¹ *Юкон* — река на северо-западе Канады и в США (штат Аляска) протяженностью более 3000 км; ее название на языке индейского племени гуичин означает «Великая река» (по другим сведениям, «Беловодная река»).

воле вспоминается история, приключившаяся с Бирюком Маккензи в те далекие времена, когда Клондайк¹ еще не испытал золотой лихорадки и нашествия чечачко² и славился только как место, где отлично ловится лосось.

В Бирюке Маккензи с первого взгляда можно было узнать пионера, осваивателя земель. На лицо его наложили отпечаток двадцать пять лет непрерывной борьбы с грозными силами природы; и самыми тяжкими были последние два года, проведенные в поисках золота, таящегося под сенью полярного круга. Когда щемящее чувство пустоты овладело Бирюком, он не удивился, так как был человек практический и уже встречал на своем веку людей, пораженных тем же недугом. Но он ничем не обнаружил своей болезни, только стал работать еще яростнее. Все лето он воевал с комарами и, разжившись снаряжением под долю в будущей добыче, занимался промывкой песка в низовьях реки Стюарт³. Потом связал плот из солидных бревен, спустился по Юкону до Сороковой Мили⁴ и построил себе отличную хижину. Это было такое прочное и уютное жилище, что немало нашлось охотников разделить его

---

¹ *Клондайк* — регион на северо-западе Канады, в территории Юкон, простирающийся вдоль реки *Клондайк*, правого притока реки Юкон; с открытия в августе 1896 г. месторождений золота на ручье *Бонанза*, притоке Клондайка, началась клондайкская золотая лихорадка 1896–1899 гг.

² *Чечачко* — новички.

³ *Стюарт* — река в Канаде, правый приток Юкона.

⁴ *Сороковая Милья* — город в территории Юкон, первое постоянное поселение в регионе, основанное в 1886 г. старателями в месте слияния Юкона с рекой Сороковой Мили; один из центров горнорудного дела на Клондайке, в значительной мере утративший свое значение (и немалую часть жителей) с возникновением на Аляске *Серкл-Сити* (1893) и началом клондайкской золотой лихорадки. В названии города и одноименной реки (как и в некоторых других местных топонимах) зафиксировано расстояние, которое отделяет их от находящегося выше по течению *Форта Доверия*.

с Бирюком. Но он несколькими словами, на удивление краткими и выразительными, разбил вдребезги все их надежды и закупил в ближайшей фактории двойной запас провизии.

Как уже сказано, Маккензи был человек практический. Обычно, чего-нибудь захотев, он добивался желаемого и при этом по возможности не изменял своим привычкам и не уклонялся от своего пути. Тяжкий труд и испытания были Бирюку не в новинку, однако ему ничуть не улыбалось проделать шестьсот миль по льду на собаках, потом плыть за две тысячи миль через океан и, наконец, еще ехать добрую тысячу миль до мест, где он жил прежде, — и все это лишь затем, чтоб найти себе жену. Жизнь слишком коротка. А потому он запряг своих собак, привязал к нартам несколько необычный груз и двинулся по направлению к горному хребту, на западных склонах которого берет начало река Танана.

Он был неутомим в пути, а его собаки считались самой выносливой, быстроногой и неприхотливой упряжкой на Юконе. И три недели спустя он появился в становище племени стиксов с верховий Тананы. Все племя пришло в изумление, увидев его. О стиксах с верховий Тананы шла дурная слава; им не раз случилось убивать белых из-за такого пустяка, как острый топор или сломанное ружье.

Но Бирюк Маккензи пришел к ним один, и во всей его повадке была очаровательная смесь смирения, непринужденности, хладнокровия и нахальства. Нужно большое искусство и глубокое знание психологии дикаря, чтобы успешно пользоваться столь разнообразным оружием; но Маккензи был великий мастер в этих делах и хорошо знал, когда надо подольститься, а когда метать громы и молнии.

Прежде всего он засвидетельствовал свое почтение вождю племени Тлинг-Тиннеху, преподнес ему

несколько фунтов черного чая и табаку и тем завоевал его благосклонность. Затем свел знакомство с мужчинами и девушками племени и в тот же вечер задал им потлач¹. В снегу была вытоптана овальная площадка около ста футов в длину и двадцать пять в ширину. Посередине развели огромный костер, по обе его стороны настлали еловых веток. Все племя высыпало из вигвамов, и добрая сотня глоток затянула в честь гостя индейскую песню.

За эти два года Бирюк Маккензи выучился языку индейцев — запомнил несколько сот слов, одолел гортанные звуки, затейливые формы и обороты, выражения почтительности, частицы и приставки. И вот он стал ораторствовать, подделываясь под их речь, полную первобытной поэзии, не скупясь на аляповатые красоты и корявые метафоры. Тлинг-Тиннех и шаман отвечали ему в том же стиле, потом он оделил мужчин мелкими подарками, вместе с ними распевал песни и показал себя искусным игроком в их любимой азартной игре «пятьдесят два».

Итак, они курили его табак и были очень довольны. Однако молодежь племени держалась по-иному — тут чувствовались и вызов, и похвальба; и нетрудно было понять, в чем дело, — стоило прислушаться к хихиканью молодых девушек и грубым намекам беззубых старух. Они знавали не так уж много белых людей — Сыновей Волка, — но эти немногие преподавали им кое-какие уроки.

При всей своей кажущейся беззаботности Бирюк Маккензи отлично это замечал. По правде сказать, забравшись на ночь в спальный мешок, он все обдумал еще раз, обдумал с величайшей серьезностью и немало

---

¹ *Потлач* — традиционная церемония обмена дарами у индейцев северо-западной части тихоокеанского побережья Северной Америки, а также званый пир, на котором совершается эта церемония.

трубок выкурил, разрабатывая план кампании. Из всех девушек только одна привлекла его внимание, и не кто-нибудь, а сама Заринка, дочь вождя. Она резко выделялась среди своих соплеменниц; черты ее лица, фигура, осанка больше отвечали представлениям белого человека о красоте. Он добьется этой девушки, он возьмет ее в жены и назовет... да, он будет звать ее Гертрудой! Придя к этому решению, Маккензи повернулся на бок и уснул — истинный сын рода победителей.

Это была нелегкая задача, она требовала времени и труда, но Бирюк Маккензи действовал хитро, и вид у него при этом был самый беспечный, что совсем сбивало индейцев с толку. Он постарался доказать мужчинам, что он превосходный стрелок и бесподобный охотник, и все становище рукоплескало ему, когда он уложил лося выстрелом с шестисот ярдов. Однажды вечером он посетил вождя Тлинг-Тиннеха в его вигваме из лосиных и оленьих шкур; он хвастал без удержу и не скупился на табак. Не упустил он случая оказать ту же честь и шаману: он ведь хорошо понимал, как прислушивается племя к слову колдуна, и хотел непременно заручиться его поддержкой. Но сей почтенный муж держался до крайности надменно, не пожелал сменить гнев на милость, и Маккензи уверенно занес его в список будущих противников.

Случая поговорить с Заринкой не представлялось, но Маккензи то и дело поглядывал на нее, давая понять, каковы его намерения. И она, разумеется, отлично поняла его, но из кокетства окружала себя целой толпой женщин всякий раз, как мужчины были далеко и Бирюк мог бы к ней подойти. Но он не торопился; притом он знал, что она поневоле думает о нем, — так пусть подумает еще денек-другой, это ему только на руку.

Наконец однажды вечером он решил, что настало время действовать; внезапно поднявшись, он вышел

из душного, прокуренного жилища вождя и быстро прошел в соседний вигвам. Заринка, по обыкновению, сидела окруженная женщинами и молодыми девушками; все они были заняты делом: шили мокасины или расшивали бисером одежду. Маккензи встретили взрывом смеха, посыпались шуточки по адресу его и Заринки; но он без церемоний, одну за другой, вышвырнул женщин из вигвама прямо на снег, и они разбежались по становищу, чтобы всем рассказать о случившемся.

Он весьма убедительно изложил Заринке все, что хотел сказать, на ее родном языке (его языка она не знала) и часа через два собрался уходить.

— Так, значит, Заринка пойдет жить в вигвам белого человека? Хорошо! Сейчас я поговорю с твоим отцом, может быть, он еще и не согласен. Я дам ему много даров, но пусть он не спрашивает лишнего. А вдруг он скажет «нет», говоришь ты? Что ж, хорошо! Заринка все равно пойдет в вигвам белого человека.

Он уже поднял шкуру, которой был завешен вход, но тут девушка негромко окликнула его, и он тотчас вернулся. Она опустилась на колени на устилавший пол медвежий мех, лицо ее сияло тем светом, каким светятся лица истинных дочерей Евы; она робко растегнула тяжелый пояс Маккензи. Он смотрел на нее с недоумением, опасливо прислушиваясь к каждому шороху снаружи. Но следующий жест девушки рассеял его подозрения, и он улыбнулся, польщенный. Она достала из мешка, где лежало ее рукоделие, ножны из шкуры лося; на них были вышиты бисером яркие фантастические узоры. Вытащила большой охотничий нож Маккензи, почтительно поглядела на острое лезвие, осторожно потрогала его пальцем и вложила в новые ножны. Потом надела их на пояс и сдвинула на обычное место — у левого бедра.

Право же, это было совсем как сцена из далекой старины: дама и ее рыцарь. Маккензи поднял девушку на ноги и коснулся усами ее алых губ — для нее это была незнакомая, чуждая ласка, ласка Волка. Так встретился каменный век с веком стали.

Когда Бирюк Маккензи с объемистым свертком под мышкой вновь появился на пороге шатра Тлинг-Тиннеха, вокруг чувствовалось необычайное оживление. Дети бегали по становищу, стаскивали сучья и хворост для потлача, болтовня женщин стала громче, молодые охотники сходились кучками и мрачно переговаривались, а из жилища шамана доносились злоеющие звуки заклинаний.

Вождь сидел один со своей женой, смотревшей прямо перед собой тусклыми, остановившимися глазами, но Маккензи тотчас понял, что то, о чем он собирается говорить, тут уже известно. Он передвинул вышитые бисером ножны на самое видное место — в знак того, что обручение совершилось, и немедленно приступил к делу.

— О Тлинг-Тиннех, могучий повелитель племени стиксов и всей страны Танана, властелин лосося и медведя, лося и оленя! Белого человека привела к тебе великая цель. Уже много лун жилище его пусто, и он одинок. Сердце его тоскует в тиши и томится о женщине — пусть сидит рядом с ним в его жилище, пусть встречает его, когда он возвращается с охоты, разводит огонь в очаге и готовит пищу. Белому человеку чудились странные вещи, он слышал топот маленьких мокасин и детские голоса. И однажды ночью ему было видение. Ворон — твой предок, великий Ворон, отец племени стиксов — явился ему и заговорил с ним. И вот что сказал Ворон одинокому белому человеку: «Надень мокасины, и стань на лыжи, и нагрузи свои нарты припасами для многих переходов и богатыми

дарами, предназначенными вождю Тлинг-Тиннеху, ибо ты должен обратиться лицом в ту сторону, где прячется за край земли весеннее солнце, и держать путь в края, где охотится великий Тлинг-Тиннех. Туда привезешь ты щедрые подарки, и сын мой — Тлинг-Тиннех — станет тебе отцом. В его вигваме есть девушка, в которую я для тебя вдохнул дыхание жизни. Эту девушку возьмешь ты в жены». Так говорил великий Ворон, о вождь. Вот почему я кладу эти дары к твоим ногам. Вот почему я пришел взять в жены твою дочь.

Старый вождь царственным жестом плотнее завернулся в свою меховую одежду, но медлил с ответом. В это время в шатер проскользнул мальчишка, сообщил, что вождя ждут на совет племени, и тотчас исчез.

— О белый человек, которого мы назвали Грозой Лосей, известный также под именем Волка и Сына Волка! Мы знаем, ты приходишь из великого племени; мы горды тем, что ты был нашим гостем; но кета не пара лосою. Так и Волк не пара Ворону.

— Неверно! — воскликнул Маккензи. — Я встречал дочерей Ворона в лагерях Волка — у Мортимера, у Треджидго, у Бэрнеби, — в его жилище скво¹ вошла два ледохода назад; и я слышал, что есть еще и другие, хоть и не видел их собственными глазами.

— Ты говоришь правду, мой сын, но это дурные браки: все равно что брак воды с песком, снежинки с солнцем. А встречал ли ты человека по имени Мэйсон и его скво? Нет? Он первым из Волков пришел сюда, десять ледоходов тому назад. С ним был великан, могучий, как медведь гризли, и стройный, как побег ивы, с сердцем, точно полная луна летом. Так вот, его...

— Да это Мэйлмют Кид! — прервал Маккензи, узнав по описанию личность, хорошо известную всем на Севере.

---

¹ *Скво* — женщина на языках североамериканских индейцев.

— Это он, великан. Но видел ли ты когда-нибудь скво Мэйсона? Она родная сестра Заринки.

— Нет, вождь, я не видал ее, но слышал о ней. Далеко-далеко на Севере обрушилась под тяжестью лет вековая сосна и, падая, убила Мэйсона. Но любовь его была велика, и у него было много золота. Женщина взяла золото, взяла сына, которого оставил он ей, и пустилась в долгий путь, и через несчетное множество переходов прибыла в страну, где и зимой светит солнце... Там она живет до сих пор, там нет свирепых морозов, нет снега, летом в полночь не светит солнце, а зимой в полдень не царит мрак.

Тут их прервал второй гонец и сказал, что вождя требуют в совет. Вышвырнув его в снег, Маккензи мельком заметил раскачивающиеся фигуры вокруг огня, где собрался совет племени, услышал размеренное пение низких мужских голосов и понял, что шаман раздувает гнев в людях племени. Время не ждало. Маккензи обернулся к вождю.

— Слушай! — сказал он. — Я хочу взять твою дочь в жены. Смотри: вот табак, вот чай, много чашек сахара, вот теплые одеяла и большие, крепкие платки, а вот настоящее ружье, и к нему много патронов и много пороха.

— Нет, — возразил старик, сияясь не поддаться соблазну огромного богатства, разложенного перед ним. — Сейчас собралось на совет мое племя. Оно не захочет, чтоб я отдал тебе Заринку.

— Но ведь ты вождь.

— Да, но юноши наши разгневаны, потому что Волки отнимают у них невест.

— Слушай, Глинг-Тиннех! Прежде чем эта ночь перейдет в день, Волк погонит своих собак к Восточным горам и дальше — на далекий Юкон. И Заринка будет прокладывать путь его собакам.

— А может быть, прежде, чем эта ночь достигнет середины, мои юноши бросят мясо Волка собакам, и кости его будут валяться под снегом, пока снег не растает под весенним солнцем.

Угроза в ответ на угрозу. Бронзово-смуглое лицо Маккензи залилось краской. Он возвысил голос. Старуха, жена вождя, до этой минуты остававшаяся бесстрастной зрительницей, попыталась проскользнуть мимо него к выходу. Пение оборвалось, послышался гул множества голосов; Маккензи грубо отбросил старуху на ее ложе из шкур.

— Снова я взываю к тебе — слушай, о Тлинг-Тиннех! Волк умирает, сомкнув челюсти, и вместе с ним навсегда уснут десять сильнейших мужчин твоего племени, — а в мужчинах будет нужда; время охоты только начинается, и до начала рыбной ловли осталось не так уж много лун. И что пользы тебе от того, что я умру? Я знаю обычаи твоего народа: не много из моих богатств придется на твою долю. Отдай мне твою дочь — и все достанется тебе одному. И еще скажу тебе: сюда придут мои братья — их много, и они ненасытны, — и дочери Ворона станут рождать детей в жилищах Волка. Мое племя сильнее твоего. Такова судьба. Отдай мне дочь, и все эти богатства — твои.

Снаружи заскрипел под мокасынами снег. Маккензи вскинул ружье и расстегнул кобуры обоих револьверов на поясе.

— Отдай, о Тлинг-Тиннех!

— Но мой народ скажет «нет»!

— Отдай, и это богатство — твое. А с твоим народом я поговорю потом.

— Пусть будет, как хочет Волк. Я возьму дары, но помни, я тебя предупреждал.

Маккензи передал ему подарки, не забыв поднять предохранитель ружья, и дал в придачу ослепительно-

пестрый шелковый платок. Тут вошел шаман в сопровождении пяти или шести молодых воинов, но Маккензи дерзко растолкал их и вышел из шатра.

— Собирайся! — вместо приветствия коротко бросил он Заринке, проходя мимо ее вигвама, и поспешно стал запрягать собак.

Через несколько минут он явился на совет, ведя за собой свою упряжку; девушка шла бок о бок с ним. Он занял место в верхнем конце утоптанной площадки, рядом с вождем. Заринке он указал место слева от себя, на шаг позади, как ей и подобало. Притом в час, когда можно ждать недоброго, надо, чтобы кто-нибудь охранял тебя с тыла.

Справа и слева склонились к огню мужчины, голоса их слились в древней, полузабытой песне. Нельзя сказать, чтобы она была красива, эта песня, — вся из странных, неожиданных переходов, внезапных пауз, навязчивых повторений. Вернее всего, пожалуй, назвать ее страшной. В дальнем конце площадки с десяток женщин кружились перед шаманом в обрядовой пляске. И шаман гневно выговаривал тем, кто недостаточно самозабвенно отдавался исполнению обряда. Наполовину окутанные распущенными черными, как вороново крыло, волосами, женщины медленно раскачивались взад и вперед, и тела их изгибались, покорные непрестанно меняющемуся ритму.

Странное это было зрелище, чистейший анахронизм. Дальше к югу был на исходе девятнадцатый век, истекали последние годы его последнего десятилетия, — а здесь процветал первобытный человек, тень доисторического пещерного жителя, забытый обломок Древности. Большие рыжие псы сидели рядом со своими одетыми в звериные шкуры хозяевами или дрались из-за места у огня, и отблески костра играли в их налитых кровью глазах, на влажных клыках.

Дремучий лес, окутанный призрачным снежным покровом, спал непробудно, не тревожимый происходящим. Белое Безмолвие, на краткий миг отброшенное к дебрям, обступившим становище, словно готовилось вновь заполнить все; звезды дрожали и плясали в небе, как всегда в пору Великого Холода, и Полярные Духи раскинули по всему небосклону свои сияющие огненные одежды.

Бирюк Маккензи, смутно сознавая дикое величие этой картины, обвел взглядом ряды неподвижных фигур в меховых одеждах, высматривая, кого не хватает. На мгновение глаза его остановились на новорожденном младенце, мирно сосавшем обнаженную грудь матери. Было сорок градусов ниже нуля — семьдесят с лишним градусов мороза. Маккензи подумал о нежных женщинах своего народа и хмуро улыбнулся. И однако он, рожденный одною из этих нежных женщин, унаследовал то, что давало ему и его сородичам власть над сушей и морем, над животными и людьми во всех краях земли. Один против ста, в недрах арктической зимы, вдалеке от родных мест, чувствовал он зов этого наследия — волю к власти, безрассудную любовь к опасностям, боевой пыл, решимость победить или умереть.

Пение и пляски прекратились, и шаман разразился речью. Сложными и запутанными примерами из богатой мифологии индейцев он умело действовал на легковверных слушателей. Он говорил сильно и убедительно. Воплощению мирного созидательного начала — Ворону — он противопоставил Волка-Маккензи, заклеив его как воплощение начала воинственного и разрушительного. Борьба этих начал не только духовная, борются и люди — каждый во имя своего тотема. Племя стиков — дети Желкса, Ворона, носителя Прометеева огня; Маккензи — сын Волка, иными словами — дьявола. Пытаться приостановить эту из-

СОДЕРЖАНИЕ

СЫН ВОЛКА

Рассказы о Дальнем Севере

Белое Безмолвие. <i>Перевод К. Тверьянович</i>	7
Сын Волка. <i>Перевод Норы Галь</i>	21
Люди Сороковой Мили. <i>Перевод В. Правосудова</i>	42
В дальних краях. <i>Перевод А. Бродоцкой</i>	55
За тех, кто в пути. <i>Перевод К. Тверьянович</i>	77
По праву священника. <i>Перевод Т. Литвиновой</i>	90
Мудрость снежной тропы. <i>Перевод Т. Литвиновой</i>	111
Жена короля. <i>Перевод Т. Литвиновой</i>	122
Северная Одиссея. <i>Перевод В. Правосудова</i>	143

«БОГ ЕГО ОТЦОВ»

И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

Бог его отцов. <i>Перевод Г. Злобина</i>	189
Великая загадка. <i>Перевод Р. Облонской</i>	209
Встреча, которую трудно забыть. <i>Перевод Н. Емельяниковой</i>	228
Сивашка. <i>Перевод И. Гуровой</i>	242
Человек со Шрамом. <i>Перевод М. Абкиной</i>	259
Непокорный Ян. <i>Перевод В. Болотникова</i>	275
Мужество женщины. <i>Перевод Н. Емельяниковой</i>	287
Там, где расходятся пути. <i>Перевод Н. Санникова</i>	305
Дочь северного сияния. <i>Перевод Т. Озерской</i>	320
На краю радуги. <i>Перевод А. Бродоцкой</i>	334
Женское презрение. <i>Перевод В. Болотникова</i>	348

Лондон Дж.

Л 76 Сын Волка : рассказы / Джек Лондон ; пер. с англ. М. Абкиной, В. Болотникова, А. Бродоцкой и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 384 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-11792-1

В книгу вошли два ранних сборника рассказов Джека Лондона — «Сын Волка» (1900) и «Бог его отцов» (1901), повествующих об американском Севере, об увлекательных странствиях и рискованных приключениях, которые довелось пережить автору — а затем и его героям — в северных землях, о притягательной и опасной красоте этого сурового края. Север Джека Лондона — это мир сильных, волевых, целеустремленных мужчин и смелых, решительных, самоотверженных женщин; мир, в котором выковываются характеры и ломаются судьбы; мир ослепительной белизны снегов и ослепляющей рассудок золотой лихорадки; мир, где человек и природа вновь и вновь испытывают друг друга на прочность и где как людям, так и зверям однажды неизбежно доводится услышать идущий из глубины их естества зов предков...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Литературно-художественное издание

ДЖЕК ЛОНДОН
СЫН ВОЛКА

Ответственный редактор Сергей Антонов
Редактор Ольга Миклухо-Маклай
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Маргарита Ахметова, Ксения Казак
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.12.2017. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 16,92.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-AKB-19819-02-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/